

В середине марта 1968 г., отбирая в музейных фондах материалы для создаваемой тогда экспозиции древнерусского искусства, я обратил внимание на изящный наперсный крест из позолоченного серебра, на серебряной цепи. Времени для специального изучения предмета не было, сравнительного материала – тоже, и поэтому пришлось, исходя из общей характеристики, датировать XVII в., хотя оставалось подозрение, что изделие могло быть изготовлено еще в конце предыдущего столетия. Как бы то ни было, но с таким определением крест-мощевик находился в витрине много лет, и при этом никто так и не обратил внимание на озадачившую меня надпись на оборотной стороне, которую теперь попытаюсь объяснить.

Крест-мощевик, размером 7,5x4,5x1,1 см, поступил в Ростовский музей в 1929 г. (инв. № Ц-29/47; Б-204), из только что закрытой городской Введенской церкви, каменной, двухэтажной, построенной в 1769 г. прихожанами вместо ранее существовавшей деревянной. По-видимому, служил привесом к иконе, скорее всего чтимой. Однако в описаниях церковно-археологических памятников Ростова Великого нет о ней упоминания, и поэтому нельзя проверить эту догадку, если только на помощь не придет церковный инвентарь.

Крест четырехконечный, с оглавием; сверху небольшие выступы, которые лишь условно можно считать обозначением перекладины; нижний конец, слегка расширяясь, в округленной части имеет едва намеченный выступ. Подобная форма креста-мощевика варьируется в ювелирных изделиях московского круга XV – XVI вв.¹ Из серебряной пластины выкованы коробчатая часть и покрывающая ее лицевая пластина, соединенные с боковых сторон штифтами. В центре лицевой стороны креста наложен отлитый из серебра семиконечный крест с изображением Распятия, хорошего рисунка, удлинённых пропорций. Трактовка фигуры распятого Христа следует образцу первой половины XVI в., отчасти интерпретируя его в плане усиления линейного начала, хотя сама схема остается той же. На табличке традиционная обронная надпись «Царь Славы», выше – скорбящие ангелы; голгофский холм внизу с Головой Адама лишь намечен. Изображение Христа в русской каменной пластике может быть по иконографии и стилю сопоставлено с крестами 1528 и 1569 гг.² По сторонам литого Распятия выгравированы контурной линией маленькие фигуры предстоящих: Богоматери и Иоанна Богослова, с несколько необычными сопроводительными надписями. В первом случае лишь геометризованная лигатура МР, во втором – , вместо традиционного . Можно ли эти отступления от нормы приписать невнимательности мастера? В то же время не мог быть включен в композицию Распятия пророк Иона, которого в Московской Руси изображали в ином иконографическом типе, в виде старца³. В оглавии с лицевой стороны вписанное в круглый медальон литое изображение Спаса Нерукотворного, с обратной – резной шестикрылый серафим, что встречается в XVI в., в том числе в продукции мастеров Троице-Сергиева монастыря, в которой, – в резьбе по дереву наперсных крестов, – можно указать и ближайšie аналогии литому Распятию, таких же рисунка и пропорций⁴.

Плоскость оборотной стороны ростовского креста-мощевика почти вся заполнена десятистрочным обронным текстом, последние две строки которого отделены промежуток-квадратом, на гладкой поверхности которого гравировано полуфигурное изображение преподобного Никона Радонежского, в обычном иконографическом типе, с краткой сопроводительной надписью: ⁵. Но и здесь обращает на себя внимание непонятное соединение двух первых букв, скорее носящее декоративный характер. Отмеченных признаков как будто достаточно, чтобы предположить изготовление изделия в Троице-Сергиевом монастыре. Однако сделать выводы все же предпочтительнее с учетом содержания выполненного в технике оброна текста, указывающего, в частности, на владельца.

Указанный текст представляет надпись о вложенных в крест мощах:

В написании, изобилующем пропусками букв и лигатурами, отступлениями от грамматических норм, далеко не все оказывается понятным в одинаковой степени. В частности, не ясно, как мастер соотносит и различает имена Ионы и Иоанна.

Как можно видеть, в составе реликвий оказываются мощи Иоанна Предтечи, Симеона Богоприимца, великомучеников Мины и Феодора Тирона. Не станем судить об их подлинности, отметив лишь, что упоминания о них можно встретить в надписях на различных русских ковчегах и крестах-мощевиках XVI в. Русские чудотворцы, – преподобные Сергей Радонежский и Варлаам Хутынский, – представлены частью мемориальных предметов, что тоже оказывается своего рода нормой. Мощи Варлаама донныне остаются в земле, под спудом, а мощи Сергия крайне редко уносили в виде частиц, и то в более позднее время. Но кто такой Исидор Чудотворец? Вряд ли речь здесь может идти об Исидоре Пелусиоте (ок. 436-440 гг.) или Исидоре Самтавийском (VI в.). Скорее всего, в крест-мощевик заключена часть раки блаженного Исидора, Христа ради юродивого, Ростовского чудотворца, скончавшегося в 1474 г., мощи которого под спудом Вознесенской церкви в Ростове⁶. Таким образом, русские реликвии связывают крест-мощевик с Троице-Сергиевым монастырем, новгородским Хутыньским Варлаамовым Спасо-Преображенским монастырем и приходским храмом в самом Ростове, построенным на средства Ивана Грозного в 1566 г. Отсюда становится понятным, что заказчик и первый владелец креста-мощевика, имя которого обозначено на нем, – несомненно ростовец.

Несколько непривычная форма имени, «Иона Ссоиова сына», вряд ли позволяет думать, что речь идет о ком-то ином, а не о знаменитом Ионе Сысоевиче – ростовском митрополите в 1652-1691 гг., сыне попа Сысоа, служившего в Ангелове, где позже его сын построил великолепную деревянную церковь⁷. До возведения в архиерейский сан Иона Сысоевич с февраля 1646 г. до 22 августа 1652 г. являлся архимандритом Ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря⁸. Но в церковных кругах был известен, конечно, значительно раньше, и, таким образом, уже тогда мог стать обладателем описываемого креста-мощевика. Изделие, при всей противоречивости его отдельных элементов, никак нельзя признать разновременным. Своеобразная вязь надписи с перечислением реликвий заметно отличается от представленной на ковчегах-мощевиках 1603 и 1633 гг. из Благовещенского собора Московского Кремля⁹. Она более развитая, но в то же время довольно архаизированная, что очень затрудняет ее датировку. Сопоставляя ее с датированными примерами, которыми служат надписи на серебряных братинах¹⁰, приходится признать наибольшее соответствие 1620-1630-м гг. Исходя из этого, изделие можно датировать в пределах первой трети XVII в. Для более точного определения времени изготовления нет оснований.

Трудно не заметить существенную особенность надписи: владелец креста-мощевика назван его монашеским именем, но при этом нет указания на его священный сан. Следовательно, это имело место задолго до того, как стал архимандритом Авраамиева монастыря. Непонятно и то, когда и при каких обстоятельствах крест оказался в Введенской церкви, где счастливо уцелел до конца 1920-х гг. Конечно, нельзя исключать и перемещение креста-мощевика из какого-либо ростовского храма или монастыря, исчезнувших к концу XVIII в. Здесь вряд ли можно что-то прояснить, по крайней мере в настоящее время.

Крест-мощевик «Ионы Ссоиева сына» пока больше выдвигает вопросов, чем дает ответов. Но и сказанного, думается, достаточно, чтобы сдвинуть дело изучения произведений этого круга с мертвой точки.

1. Николаева Т.В. Произведения мелкой пластики XIII – XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960. №№ 126-130; Русское золото XIV – начала XX века из фондов Государственных музеев Московского Кремля. М., 1987. № 5.
2. Пуцко В.Г. Белокаменные резные кресты XV – XVI вв. в Поволжье // СРМ. Вып. XI. Ростов, 2000. С. 75-79. Рис. 12, 13.
3. См.: Дионисий в Русском музее. К 500-летию росписи Рождественского собора Ферапонтова монастыря. СПб., 2002. № 21.
4. Николаева Т.В. Произведения мелкой пластики... №№ 140, 142, 143, 145.
5. Подробнее см.: Спирина Л.М. Никон Радонежский и его образ в произведениях русского искусства XV – XIX вв. (из собрания Сергиево-Посадского музея-заповедника) // Сергиево-Посадский музей-заповедник: Сообщения. 1995. М., 1995. С. 126-150.
6. Барсуков Н. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 231.
7. Титов А.А. Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885. С. 118.
8. Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 340.
9. Журавлева И.А. Об одной группе серебряных ковчегов-мощевиков конца XVI – первой трети XVII века // Древнерусское искусство: Исследования и атрибуции. СПб., 1997. С. 406, 407.
10. См.: Троицкий В. Серебряные братины Патриаршей ризницы // Баян. 1914. № 1. С. 21-27.